

9. Camilleri, C. Introduction / C. Camilleri // L'interculturel: Introduction aux approches interculturelles en education er en sciences humaines / C. Clanet. – Toulouse : Presses Universitaires du Mirail, 1990. – P. 1–23.

10. Herskovits, M. Memorandum for study of acculturation / M. Herskovits, R. Linton, R. Redfield // Wiley Online Library [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1525/aa.1936.38.1.02a00330/pdf>. – Date of access: 24.06.2014.

11. Graves, T.D. Psychological acculturation in a tri-ethnic community / T.D. Graves // South-western Journal of Anthropology. – 1967. – № 23. – P. 337–350.

12. Linton, R. Problems of status personality / R. Linton // Culture and personality / S. S. Sargtnt, M. W. Smith. – N. Y. : The Viking Fund, 1949. – P. 11–15.

13. Ortiz, F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar / F. Ortiz ; trans. H. de Onis. – Durham : Duke University Press, 1995. – 408 p.

14. Powell, J. W. Introduction to the study of Indian languages / J. W. Powell. – Washington : Govt. Print. Off, 1880. – 306 p.

Y. KOSIK

### THE INTERPRETATION OF THE ESSENCE OF ACCULTURATION IN THE HUMANITIES

*Concepts of intercultural interaction in various scientific schools are presented. Historical origins of the concept of acculturation and its transformation in the course of research are discovered. Basic interpretations of the essence of acculturation of various representatives' theoretical approaches in the study of intercultural communication are considered. Urgent and perspective directions in the study of acculturation in terms of human knowledge are revealed.*

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 17.09.2014.

УДК [821.161.3+821.581]-343.091:008(476+510)

ЛЮ ЯНЬ

### ПЕРВОТВОРЕНИЕ АРТЕФАКТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГЕРОЯМИ БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*В статье на основе структурно-типологического сравнения анализируются мифы белорусского и китайского народов, в которых содержится ряд основных тем, сюжетов и мотивов творческого проявления героев-первопредков. В качестве творцов артефактов материальной культуры выступают мифические герои. В процессе реконструкции героических мифов, созданных древнебелорусской и китайской культурами, автор приходит к выводам, что в славянской и восточноазиатской мифологии культурные герои имеют многие сходные черты и выполняют одну и ту же функцию первотворения. Основная деятельность*

*мифического героя, утверждается автором статьи, заключалась в порождении предметного бытия культуры.*

Историко-типологическое сравнение белорусских и китайских мифов свидетельствует о присутствии значительного количества архаических преданий об участии мифических героев в творении культуры. Эти мифы, вошедшие во многие письменные памятники, дошли к нам в переформленном виде, и реконструкция их осуществлялась путем тщательного анализа нарративных и археологических источников с привлечением сравнительно-типологических данных.

Героические мифы – памятники первобытного фольклора родовой эпохи – идеологически синкретичны и включают в неразвернутом виде зачатки религии и донаучных представлений о происхождении природы, человека, общества и первых феноменов материальной и духовной культуры. Как отмечает Е. М. Мелетинский: «...сказания о первопредках-демиургах – культурных героях генетически связаны с этиологическими мифами (и более широко с мифами творения) о происхождении различных элементов природы и культуры» [5, с. 87].

Мифические культурные герои не являются объектами религиозного культа. Они – первые люди, первоначально родовых, фратриальных и племенных сообществ. Культурный герой моделирует первобытную общину, отождествленную обычно с первыми людьми. «В результате реактуализации мифа, – подчеркивает М. Элиаде, – вся община в целом возобновляет свое существование, обретает свои истоки» [9, с. 45]. Так, культурный герой Гунь генетически связан с племенем, жившим в Восточном Китае, в бассейне Янцзы, Хоу-цзи («Государь просо») принадлежит к роду Ютай, Хуан-ди – к роду Чэнь. Аналогично Всеслав Брячиславич, легендарный герой белорусов, обладающий способностью превращаться в различных зверей, принадлежал к роду Рогволодовичей [1, с. 518–520]. Мифический герой Кривэ-Кривейтэ, согласно белорусской мифологии, является основателем рода племени кривичей [1, с. 260–261]. Предком радимичей, согласно «Повести временных лет», является Радим.

Непосредственная связь культурных героев с родовым или племенным сообществом определяла моделирование ими жизни родоплеменных коллективов. «Первобытное общество, – замечает М. С. Каган, – еще не знает личности в строгом и точном смысле этого слова – как неповторимой комбинации духовных качеств и принципов, отличающей одного человека от всех других и признаваемой не только значимой, но и ценной в данном социуме и его культуре» [2, с. 118]. Однако в образе мифического героя, на наш взгляд, постепенно происходит превращение общего (родового) не только в особенное, но и в индивидуальное, единственное в своем роде, неповторимое бытие отдельного человека.

Поскольку культурный герой не является, как правило, всемогущим божеством, в мифах повествуется о приобретении им исключительных или сверхъестественных сил от божественного отца либо в процессе труднейших испытаний (инициации). Так, культурный герой И получил искусство стрельбы из лука от своего отца, верховного божества Ди-цзюня [6, с. 276]. Мифический герой Сюй-Чжэньцзюнь, превративший осколки черепицы в золото и тем самым спасший народ от голода, этому искус-

ству научился у даосов [6, с. 657]. Ли Бин был наделен необыкновенной силой отцом Чжоу Синем, государем династии Инь. Вследствие этого он одержал победу над божеством в облике чудовищного быка [6, с. 406].

Аналогичные представления о сверхприродных способностях белорусских мифических героев мы находим в устных и письменных преданиях средних веков. Так, необыкновенные возможности перевоплощения Всеслав Брячиславич (Чародей) получил от волхвов: «Ваўкалакам ці воўкам гуляў. / Ён бо з Кіева да петухоў / Горад Тмутаракань дасцігаў / І вялікаму Хорсу без слоў / Воўкам шлях борзда перабягаў» [7, с. 121–122]. Мифические персонажи – асилки, волоты, богатыри наделялись, по преданиям белорусов, необыкновенным ростом, физической силой Велесом, одним из главных богов языческого пантеона белорусов.

Таким образом, персонажи героических мифов, как правило, существа, обладающие сверхъестественными способностями. Они общеизвестны, так как действуют в изначальные времена. Миф раскрывает их творческую активность и обнаруживает сверхъестественность их творений. В результате вмешательства мифических героев человек постепенно становился субъектом культуры, ее обладателем и сотворцом.

Исследование текстов героических мифов позволило нам определить сферу деятельности культурного героя. Специфическая творческая активность героя совпадает с границами мифов творения. На границе этиологических мифов культурные герои борются с чудовищами, стихийными бедствиями, мешающими мирной жизни людей и богов, т. е. они упорядочивают мироустройство, продолжают процесс творения жизненного пространства человека. В качестве примера можно привести китайские мифы о Паньгу, Гуне, Юе. В белорусской мифологии – это Бай, Радарь, Всеслав и др. Эти мифы отражают период возникновения и развития присваивающего хозяйства, требующего более совершенных технологий, использования практических знаний. Благодаря этим знаниям практическая деятельность предков вырывалась из рамок биологического инстинктивного поведения, становилась истинно человеческой, культурной. Познание природы было включено в трудовую деятельность – в процессы изготовления орудий труда и оружия, охоту и собирательство, скотоводство и земледелие, различные ремесла. Необходимые людям знания, умения и навыки, согласно мифологии, добывали для человека культурные герои. Эту культуротворческую миссию мифических героев отмечает М. Е. Мелетинский: «Сюжеты добывания чудесных предметов, диковинок, эликсиров восходят к мифам о добывании культурных благ или ритуальных сакральных предметов культурными героями» [4, с. 87].

Историко-культурная реконструкция белорусских и китайских героических мифов свидетельствует о наличии значительного мифологического пласта о завоевании субъектом архаического общества мира, организации его, преобразовании природного пейзажа в культурную среду. Творения культурных героев, как свидетельствуют мифы, были в первую очередь направлены на объекты материальной культуры.

Экономика в Древнем Китае и на белорусских землях в течение продолжительного времени сохраняла примитивные формы. Большое значение имели первобытные формы хозяйствования, рыболовство и охота. В мифах, составляющих содержание «Книги гор и морей» (3 тыс. до н. э.),

неоднократно подчеркивается богатство фауны в большинстве регионов Древнего Китая. Так, в ряде мифов Великих пустынь востока отмечается, что «люди царства Чжунжун питаются мясом зверей и плодами деревьев, приручают четырех птиц, леопардов, тигров, бурых медведей» [3, с. 111]. О богатстве лесов Заморья юга свидетельствует миф о Горе дальней (Ди), где похоронен предок Яо: «Там водятся бурые медведи, полосатые тигры, геноны, леопарды, растет личжу, обитает Дающий мясо (Шижоу)» [3, с. 96]. Следовательно, древние китайцы имели возможность удовлетворять свои биологические потребности за счет природных ресурсов.

О роли фауны в жизни предков белорусов свидетельствует большое количество мифических персонажей, связанных с лесным промыслом: Лесовик, Доброхот, Доброхожий, Вересовый Дедок, Леший, Лесной Хозяин, Гаюн, Пущевик и др. [1, с. 117–118, 399]. Исследование текстов белорусских мифов позволяет говорить о многообразии диких животных в архаических лесах Беларуси. В мифах фигурируют олени, лоси, овцы, бобры, быки, белки, зайцы, волки, кабаны, козлы, кони, лисы, медведи и др. [1, с. 17, 22, 35, 44, 53, 57, 89, 141, 185, 252, 290, 333]. Такое изобилие фауны на протяжении многих тысячелетий обеспечивало первобытных людей необходимым пропитанием и другими жизненно важными предметами.

В соответствии с мифом, культурный герой Фуси изобрел и подарил китайцам силки, рыболовные сети, научил первых людей охоте и рыболовству, варить мясо [10, с. 42–51]. В белорусской мифологии нам не удалось отыскать имя культурного героя, научившего первопредков искусству охоты. Однако анализ ряда текстов дает основание предполагать, что ими могли быть такие герои-демиурги, как Белун, Перун, Велес. Согласно представлениям белорусов, Белун иногда сходил на землю и любил помогать людям. Возможно, он однажды и научил белорусов добывать зверей [1, с. 55–56]. Научить искусству стрельбы из лука мог и Перун. Так, известен миф о Перуновых стрелах и каменных топорах, которые в первобытном обществе были главным оружием [1, с. 375–376].

В китайской мифологии представлено предание о раннегероическом охотнике И Хоуи («Стреляющий из лука»). Традиция приписывает ему изобретение лука и стрелы и обучение людей искусству владения луком. По преданию, «красный лук и колчан красивых белых стрел, твердых и острых» ему подарило, перед тем как отправить к людям, верховное божество Ди-цзюнь. Он же научил людей стрелять (шэ) из лука [10, с. 179].

Таким образом, многие мифологические тексты посвящены теме охоты. Этот примитивный вид хозяйства в течение продолжительного времени сохранял актуальное значение в экономике архаического общества. Однако было бы неправильным делать из этого вывод, что охота и рыболовство были в то время в Древнем Китае и Беларуси важнейшим видом хозяйства, как полагают некоторые исследователи. На самом деле, наибольшее значение для добывания пищи имело земледелие.

Труд земледельца всегда был окружен ореолом сакральности. О высоком значении земледелия свидетельствует тот факт, что в гробницы знатных китайцев помещали не только оружие, но и мотыгу. Возникновению и развитию земледелия, согласно мифам, способствовали многие культурные герои. Начало земледелия в древнекитайской мифологии свя-

зывается с именем центрального культурного героя Шэнь-нуна (Янь-ди). В мифе о нем говорится: «Когда он появился на земле, людей было уже много, а пищи, доставляемой природой, не хватало. Милосердный Янь-ди научил людей сеять хлеба, собственным трудом добывать средства к жизни. Все с благодарностью вспоминали его заслуги и почтительно называли Шэнь-нуном – богом земледелия» [10, с. 72–73].

Труд земледельца был мифологизирован и в народном сознании древних белорусов. Анализ белорусской мифологии позволил нам выявить несколько мифических сюжетов о происхождении ржи («жыта»), важнейшей зерновой культуры белорусов. Все они с некоторыми вариациями сводятся к утверждению о том, что герой-демиург первым посеял ее на земле: «Когда Бог первый раз посеял рожь на земле, она уродилась крупной, как боб, колосья были большие, солома высокая» [1, с. 175]. В мифологии белорусов встречается ряд мифических опекунов земледелия: Житень [1, с. 175–178], Житняя баба [1, с. 175], Гуменник [1, с. 128], Полевик [1, с. 360–361], Световит [1, с. 455–456] и др., которые представлялись белорусам в образе хлебобобов, помогающих земледельцам. Так, в мифе о Полевике говорится: «Махнет Полевик правой рукою – растет и толстеет стебель, махнет левою – наливаются колос, потрясет головою – все поле устилается золотыми снопами» [1, с. 360].

Из мифов следует, что китайцы с помощью культурных героев успешно выращивали бобы, гаолян, просо, ячмень, пшеницу, тыкву, репу, редьку, рис и др. культуры. Исследование текстов белорусских мифов свидетельствует о разнообразии растений, культивируемых на древних землях Беларуси. Часто упоминаются боб, горох, гречка, мак, капуста, конопля, лен, лук, овес, чеснок и др. [1, с. 47, 48, 128, 214, 226, 287, 300, 324, 544, 551].

Сравнительно-типологическое изучение белорусской и китайской мифологии позволяет нам говорить о широком распространении скотоводства в архаическом Китае и на землях Беларуси. Исследование китайских мифов позволило установить, что уже во времена неолита были приручены различные породы крупного и мелкого рогатого скота, а также свиньи. В мифе о Желтом Предке упоминается его внук Шуцзюнь, который «первым стал пахать на волах» [3, с. 129]. В китайской народной мифологии широко известен герой Ню-ван («Князь волов»), считавшийся покровителем воловьего загона. Мифы, включенные в «Книгу гор и морей», свидетельствуют о приручении лошадей [3, с. 76]. В китайской мифологии очень популярен культурный герой Ма-ван, который считался «Князем лошадей». На широкое распространение скотоводства указывает также текст стиха «Хозяину стад», найденный нами в «Шицзин»: «Кто скажет, что мало овец у тебя! / В одном только стаде их триста голов! / Кто скажет, что мало быков у тебя? / Лишь рыжих с пятном девяносто быков!» [8, с. 157].

Согласно мифологическим преданиям белорусов, их первопредкам домашних животных сотворили культурные герои-демиурги. Так, в мифах об овце и свинье повествуется, что «овца, как и свинья, слеплена богом из глины, только голова у нее из смолы. Поэтому овца боится жары» [1, с. 17]. Изучение белорусской мифологии показывает, что одними из самых почитаемых у белорусов прирученных животных были корова

и конь. Помимо важного хозяйственного значения эти животные использовались в богатой культовой и магической практике. С их культом связаны многие мифические образы. Например, Перун ездит на коне, мифические герои Юрий и Возила считались опекунами лошади. Их антагонистом выступает Кумельган [1, с. 61, 229–231, 252–253, 265–266]. В белорусской мифологии имеется значительное количество персонажей, помогающих людям выращивать домашних животных: Авлас, Велес [1, с. 29, 100–102] и др. Наиболее почитался белорусами Хлевник, который жил вместе с животными в сарае. Симпатизируя хозяевам, он заботился о животных: чистил, носил в сарай воду, подкладывал корм, заплетал лошадям гривы и хвосты и т. д. [1, с. 533–534].

Исследование белорусской и китайской мифологии показывает, что культурные герои рассматривались древними предками как создатели различных ремесел. В мифологии Земель внутри морей имеется фрагмент текста мифа об Учредителе нравов Ицзуне, который «первым избрал все ремесла для людей, живущих внизу (на земле)» [3, с. 129].

Многие мифы китайского народа отражают деятельность мифических персонажей по созданию орудий труда. Характерным в этом отношении является миф о Лу Бане, имя которого упоминается неоднократно в ряде древних трактатов. Ему приписывается изготовление различных инструментов и приспособлений: бурава, пилы, рубанка, осадных лестниц для взятия городских стен, колеса для подъема воды на поля, лодки и весел. С его именем предания связывают строительство ряда знаменитых архитектурных сооружений. Лу Бань, по некоторым версиям, соорудил для своей матери самодвижущуюся деревянную повозку, научил людей навешивать двери [6, с. 415].

В белорусской мифологии с именем Всеслава Чародея связывается строительство Полоцкой Софии. Легендарный Волох Всеславович спасает божьи церкви [7]. Согласно мифу, известный персонаж Менеск является основателем города [1, с. 314–316].

В мифах китайского народа многие основы материальной культуры созданы мифическим героем Хуан-ди, который никогда не пребывал в покое. В мифах упоминается, что он научил китайцев делать топоры, ступки, луки и стрелы, мастерить телеги и лодки, отливать колокола и треножники, бурить колодцы.

Неоценимое значение для развития материальной культуры белорусского и китайского этносов имел огонь. Китайским предкам он был подарен легендарным героем Суйжэнем («Человек, добывающий огонь»). В мифе повествуется, что он добыл огонь, буравя дерево, и научил людей таким способом извлекать огонь из дерева путем трения [6, с. 649]. В китайской мифологии существует много персонажей, связанных с изобретением огня. Добывание огня приписывается и Хуан-ди, и Фуси. Так, Юань Кэ пишет, что «самой большой заслугой Фуси было то, что он дал людям огонь, чтобы они могли есть вареное мясо и избавиться от болей в животе» [10, с. 56].

В белорусской мифологии с освоением огня связаны несколько мифологических персонажей. В мифологических представлениях предков белорусов, люди начали пользоваться огнем, когда его принес на землю Перун. Согласно П. М. Шпилевскому, богом подземного и зем-

ного огня белорусы считали Жижеля [1, с. 174–175]. Святой неугасимый огонь, по языческому преданию белорусов, оберегал Знич [1, с. 190–191]. Мифологическим персонажем, наделенным сверхъестественной силой и непосредственно связанным с огнем, является Коваль (Кузнец) [1, с. 207]. Опекунами кузнеца, по преданию, были Кузьма и Демьян [1, с. 264].

Огонь использовался древними предками в различных сферах материальной культуры. В архаические времена люди переняли от культурных героев искусство обработки металлов. Так, согласно мифу о Хуанди, культурный герой научил людей из металлов отливать колокола и треножки: «А еще рассказывают, что Желтый император долго отливал драгоценный треножник под горой Цзиншань» [10, с. 143]. В одной из легенд утверждается, что им же выплавлены «двенадцать больших бронзовых зеркал» [10, с. 142]. В китайской народной мифологии популярным был даосский герой Дунфан Шо, считавшийся покровителем золотых и серебряных дел мастеров [6, с. 244]. Ювелирам, по преданию, изложенному в трактате «Хань Фэй цзы», покровительствовал также культурный герой Бянь Хэ [6, с. 132].

С помощью мифических персонажей древние китайцы быстро освоили технологию изготовления различных предметов из меди, бронзы и железа. Это подтверждает миф о Чи-ю, прославившемся умением изготавливать из металла оружие. По преданию, он умело изготавливал остроконечные копья, прочные и острые трезубцы, гигантские топоры, крепкие щиты, легкие луки и стрелы. «Все это он делал своими руками» [10, с. 119].

В белорусской мифологии имеется много сюжетов о связи культурных героев с металлургией. Согласно ряду нарративных памятников, обработка металлов славянами находилась в дохристианский период под покровительством Сварога, который отождествлялся с древнегреческим Гефестом, богом огня и кузнечного дела. Непосредственное отношение к кузнечному делу имеет культурный герой Кузьма, создатель орудий труда из железа. Так, среди белорусских пословиц встречаются следующие: «Святы Кузьма сярпы робіць, а Дзям'ян сена грабіць», «Кузьма і Дзям'ян прыйшлі і на сенакос пайшлі», «На Кузьму і Дзям'яна касіць не рана». Как известно, серпы и косы изготавливались из железа. Белорусскими кузнецами широко отмечался народный праздник Кузьмы и Демьяна (14 июля и 14 ноября). Кузнецы в эти дни не работали.

О разнообразии употребления предками белорусов железа свидетельствуют некоторые мифические персонажи, которые владеют железными вещами или сами полностью железные. Анализ белорусской мифологии позволил нам выявить следующие персонажи: Железная баба, Железный волк, Железный человек [1, с. 166–167]. У Бабы-яги – железная нога, ступа и толкач [1, с. 35]. Другие мифические персонажи имеют также некоторые части тела из железа: голову, зубы, язык, хвост и др.

Большое значение в архаические времена приобрела деревообработка. Как сказано в текстах «Книги гор и морей», из дерева делали луки, стрелы, копья, ручки топоров, пил и буравов, барабаны, лодки и колесницы. Так, в мифе о культурном герое Паньюе повествуется, что он «первым смастерил лодку». Там же можно встретить миф о Цзигуне, который «первым сделал из дерева колесницу (телегу)». Мифический ге-

рой Бань «первым изготовил лук и стрелы» [3, с. 128]. Деревом, согласно многочисленным мифам, широко пользовались при постройке домов и сооружении гробниц. В соответствии с мифом о Хуань-ди, именно он «научил людей строить дома, в которых можно было укрыться от ветра, дождя и холода» [10, с. 142].

Многочисленные упоминания различных сортов глины в «Книге гор и морей» наводит на мысль о важном значении гончарства в Древнем Китае. Из глины изготавливалась разная утварь. «Глиняный горшок для варки пищи» был изобретен культурным героем Хуань-ди [10, с. 142].

Белорусским культурным героем, который создавал вещи из глины, являлся Гончар [1, с. 115]. В устном народном творчестве зафиксировано много поверий, пословиц и суеверий, связанных с гончарством. Например, запрещалось желать Гончару успеха, иначе его изделия не будут качественными. Считалось, если плохое око посмотрит на гончарное изделие, то его разобьет Перун и т. д.

Изучение белорусских ритуалов и обрядов показывает, что горшок широко использовался во многих ритуальных действиях. Он символизировал голову и чрево человека, дом реальный, земной и последний дом – гроб. В представлениях белорусов горшок служил обиталищем домового.

В мифах о потомках Ди-цзюня прославляется культурный герой И-цзюнь: «Он был знаменитым мастером во времена Яо и изобрел множество необходимых вещей, чтобы принести счастье людям» [10, с. 153].

Ткачеством обязаны древние китайцы мифической Чжи-ньюй, внучке небесного императора, которая «жила на восточном берегу Серебряной реки Млечного Пути и ткала на станке красивые слоистые облака из удивительного волшебного шелка» [10, с. 135]. Став женой земного Волопаса (Ню-лана), она продолжала ткать и учить этому мастерству китайских женщин, которые освоили ткачество не только из шелка, но и из конопляных нитей. В «Шицзин» упоминается песня «О седьмой луне», где говорится: «В восьмую – за пряжу садится жена. / Мы черные ткани и желтые ткем» [8, с. 119]. Здесь же нами обнаружена еще одна песня о мастерстве древних ткачих «Стебли простерла далеко конопля»: «Срезав, ее отварю – созревает она. / Тонкого, грубого я наткала полотна, / Платьям из ткани домашней останусь верна!» [8, с. 25].

Ткачество в Беларуси известно начиная с эпохи неолита. В соответствии с мифами, с ткачеством связан образ Хатника, который «шьет, прядет и убирает в хате» [1, с. 528–529]. Вероятно, причастны к ткачеству святые Флор и Лавр, так как в день их памяти женщинам запрещалось ткать [1, с. 523]. Часто в белорусских мифах встречаются детали, связанные с ткачеством. Например, бёрдо, веретено, сопутствующие ткачеству предметы, помимо утилитарного применения обладали высоким сакральным статусом.

Таким образом, проведенный сравнительно-типологический анализ свидетельствует о том, что в белорусской и китайской мифологии культурные герои выступают как первотворцы материальной культуры и обладают высоким семиотическим статусом. В области мифотворчества белорусов и китайцев имеются сопоставимые культурные формы. Сходство мифологических сюжетов и архетипов белорусского и китайского народов можно объяснить тем, что эволюция мировоззрения человека во всех



регионах земного шара осуществлялась единообразно. В белорусской и китайской мифологиях можно проследить не только общность сюжетов и архетипов, но и функционирование различных мифологических систем на одних и тех же исходных принципах. В связи с этим мифологические параллели вполне могут быть объяснены определенными типологическими основаниями, а не рассматриваться в качестве прямых заимствований.

1. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 598 с.

2. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 416 с.

3. Книга гор и морей (Шань хай цзин) / предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. – М. : Наука, 1977. – 235 с.

4. Мелетинский, Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1986. – 320 с.

5. Мелетинский, Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / Е. М. Мелетинский ; отв. ред. Е. С. Новик. – М. : Рос. гос. ун-т, 1998. – 576 с.

6. Мифология : ил. энцикл. слов. / Е. М. Мелетинский. – СПб. : Ленингр. галерея : Норинт, 1996. – 848 с.

7. Слова пра паход Ігаравы / уклад., прадм. і камент. В. А. Чамярыцкага ; пер. Янкі Купалы. – Мінск : Мастац. літ., 1986. – 159 с.

8. Шицзин: Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – 351 с.

9. Элиаде, Мирча. Аспекты мифа / Мирча Элиаде ; пер. с фр. В. Большакова. – М. : Инвест-ППП : ППП, 1996. – 240 с.

10. Юань, Кэ. Мифы Древнего Китая / Кэ Юань ; пер. с кит. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого. – М. : Наука, 1965. – 496 с.

LIU YAN

### IMPLEMENTATION OF MATERIAL CULTURE ARTIFACTS BY HEROES OF THE BELARUSIAN AND CHINESE MYTHOLOGY: COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL ANALYSIS

*The Belarusian and Chinese mythologies are comparatively analyzed in this paper by using structural typology which reflects some basic topics, stories and themes of the human ancestors. The ancestors of clans and communes' creators overcome the chaos, create the world and constitute the universe. In the recovery process of the totem mythologies, originated from Belarus and China, it is concluded that cultural figures in Slavic and oriental mythologies possess many similar characteristics and perform the same function of the world creation. The basic activities of mythical figures and human ancestors are to produce cultures: creation of nature, generation of society and human for creating future cultures.*

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 22.04.2015.